

РОЗДІЛ 4. ПОЛІТИЧНІ ПРОБЛЕМИ МІЖНАРОДНИХ СИСТЕМ ТА ГЛОБАЛЬНОГО РОЗВИТКУ

Байрамов И.М.

Сепаратизм как крайнее проявление этнической идентичности

В статье рассмотрено место этнической и национальной идентичности в структуре других групповых идентичностей, описаны психологические механизмы и феномены самоосознания себя членом этнической общности, дана характеристика сепаратизма как деструктивного варианта этногенеза, который противоречит государственным интересам. Сейчас в ряде стран наблюдается всплеск патриотических настроений, что связано с развитием гражданской идентичности. Но местный патриотизм является фактором не только консолидации, но и конфронтации (вплоть до проявлений сепаратизма). Сепаратизм выступает деструктивным вариантом этногенеза, ибо выражает проявления этноса, противоречащие государственным интересам. Путем анализа научной литературы, а также на основе проведенных исследований делаются выводы о наличии нескольких направлений в развитии социально-психологических основ формирования этносепааратизма.

Ключевые слова: этнический сепаратизм, социально-психологические основы сепаратизма, сепаратизм в странах постсоветского пространства, сепаратизм в странах Запада и развивающихся странах, этническая идентичность.

У статті розглянуто місце етнічної і національної ідентичності в структурі інших групових ідентичностей, описані психологічні механізми і феномени самоусвідомлення себе членом етнічної спільності, дана характеристика сепаратизму як деструктивного варіанту етногенезу, який суперечить державним інтересам. Зараз в ряді країн спостерігається сплеск патріотичних настроїв, що пов'язано з розвитком громадянської ідентичності. Але місцевий

патріотизм є фактором не тільки консолідації, а й конфронтації (аж до проявів сепаратизму). Сепаратизм виступає деструктивним варіантом етногенезу, бо висловлює прояви етносу, що суперечать державним інтересам. Шляхом аналізу наукової літератури, а також на основі проведених досліджень робляться висновки про наявність кількох напрямів в розвитку соціально-психологічних основ формування етносепааратизма.

Ключові слова: етнічний сепаратизм, соціально-психологічні основи сепаратизму, сепаратизм в країнах пострадянського простору, сепаратизм в країнах Заходу і країнах, що розвиваються, етична ідентичність.

The article reviews the place of ethnic and national identity in the structure of other group identities, describes psychological mechanisms and phenomenon of self-awareness as a member of ethnic entity, characterizes separatism as a destructive version of ethnogenesis, which contradicts state interests. Currently a number of countries observe the flare of patriotic movements, which is tied to the development of public identity. However, local patriotism is the factor of not only consolidation, but also of confrontation (up until demonstration of separatism). Separatism acts as a destructive version of ethnogenesis, because it expresses the demonstration of ethnos contradicting state interests. Conclusions about availability of several directions in the development of socio-psychological background of formation of ethnic separatism are made through the analysis of scientific literature and based on the conducted research.

Key words: ethnic separatism, socio-psychological basis of separatism, separatism in post-Soviet countries, separatism in Western and developing countries, ethnic identity.

УДК 159. 922.4:343.325

Байрамов И.М.,
доктор философии по психологии,
доцент кафедры психологии
Бакинского государственного
университета

Общее развитие мирового сообщества в XXI веке проходит под лозунгом глобализации, интернационализации и общей толерантности. Несмотря на это, в разных странах, независимо от экономического развития, уровня культуры и исторической давности существования государства, выдвигаются на первый план проблемы этнических противостояний: вспомним чеченские войны 1994–1996 г., войну между армянами и азербайджанцами в Нагорном Карабахе, югославский межэтнический конфликт, референдум о независимости Шотландии в 2014 г. и др.

По разным оценкам, сегодня с проблемой сепаратизма сталкивается каждая четвертая страна мира. Конфликты такого рода всегда

имеют политическое, экономическое, морально-этическое и, главное, человеческое измерение. Наша работа охватывает национальный (этнический) сепаратизм, который имеет наибольшее распространение в мире и крайне негативно сказывается на судьбах как отдельных людей, так и социальных институтов.

С девяностых годов прошлого века национализм стал весомым фактором формирования гражданских процессов в странах бывшего СССР. Хотя проявление сепаратизма является острой проблемой современной общественно-политической ситуации в ряде стран постсоветского пространства (например, в Украине, Азербайджане, Молдове), научная мысль отстает

от потребностей реальности и пока не имеет должного теоретического обоснования этой проблемы, соответственно, невозможно наметить эффективные пути ее решения.

В отечественной и зарубежной литературе существует большое количество работ, связанных с проблемами национализма и сепаратизма, однако у многих из них присутствуют тенденциозность, предвзятость или заинтересованность, связанные с непосредственным участием авторов в политических процессах. Чаще всего встречается односторонний подход без отслеживания всей цепи причинно-следственных связей в генезисе рассматриваемых явлений. Но создать правдоподобную схему развития этих тенденций можно только при анализе совокупных причин, предпосылок и условий возникновения сепаратизма.

Все это обуславливает актуальность вопросов соотношения национальной и этнической идентичности, поднятых в нашей статье.

Цель статьи – представить взвешенный и безоценочный взгляд на проблему сепаратизма как крайнего полюса этнической идентичности.

Сепаратизм как явление существует на протяжении более двух тысяч лет (видимо, от самого начала выделения государства как пространственного и политического единства), но термин в его сегодняшнем понимании употребляется только с конца XIX века. Активно данное явление стало обсуждаться в 80-е гг. прошлого столетия. До этого периода в научной литературе достаточно много работ было посвящено национально-освободительной борьбе, которая на тот момент не соотносилась с сепаратизмом, хотя эти явления имеют единую природу (понятие «национально-освободительное движение» несколько шире и объемнее, сепаратизм является отдельной его частью). Наиболее понятное определение сепаратизма дается в словаре «Политология», где под ним понимается «стремление к обособлению, проявляющееся, как правило, у национальных меньшинств в многонациональных государствах и направленное на создание самостоятельных государств или национально-государственных автономий» [1, с. 352]. По всей вероятности, под действие этого определения подпадают практически все процессы разъединения государств, которые происходили на протяжении истории человечества: от распада Османской империи до развала СССР.

С общеисторической точки зрения, сепаратизм является проявлением одной из двух взаимообусловленных тенденций мирового развития – центростремительной и центробежной. Сейчас во многих европейских и азиатских этносах заканчивается очередной период коагуляционных процессов, который длился несколько веков, когда отдельные народы объединялись в

Большие Империи. Империи пали под натиском освободительного или сепаратистского движения. Наступает период преобладания центробежных процессов, когда стремление этносов к самоопределению сильнее их желание оставаться частью Империи. В результате этносы занимают неустойчивое положение между пребыванием в едином пространстве и обособлением.

Особенно болезненны и эмоционально насыщенные сепаратистские выступления возникают в результате ограничения социальных ценностей этноса. В ходе длительного противоборства в конфликтующих этносах психологическая, бытовая неприязнь по отношению друг к другу приобретает массовый и длительный характер.

М.-Л.А. Чепе по этому поводу замечает, что одной из основных тенденций XXI века должен быть распад империй и национально неструктурированных государств и образование на их месте независимых национальных государств: «кроме межрегиональных противоречий, которые соответствуют новой многополюсной структуре мира, основное противоречие переходного процесса до становления системы национальных государств будет основываться на коренных различиях между стратегическими интересами сверхдержав, которые связаны со старым политическим устройством мира, и средними национальными государствами, которые заинтересованы в скорейшем становлении нового уклада» [2, с. 6–36, 17].

А.В. Кротов показывает, что национальный сепаратизм в современных условиях является логическим продолжением общей демократизации мирового государственного строительства и является порождением развития государств по европейскому типу, когда основой консолидации общества становится отдельная национальная общность [3].

Литература, накопленная по анализу этнических конфликтов в мире, позволяет выделить логику формирования этого движения, и логику реагирования на него со стороны государства и общества:

- 1) актуализация этнической идентичности группы с опорой на активизацию исторического сознания этноса, что осуществляется представителями научной, политической элиты и гуманитарной интеллигенции;
- 2) институционализация движения (формирования соответствующих политических партий);
- 3) мобилизационная деятельность партий, направленная на расширение социальной базы сепаратизма;
- 4) преобразования сепаратистских требований в психологическую установку, то есть переход этих требований на нерационализированный эмоциональный уровень.

И.М. Байрамов отмечает, что этнический сепаратизм обостряется в периоды социально-экономической нестабильности, сопровождающиеся выраженным социальным расслоением граждан, ожесточенной борьбой за власть, ростом преступности. Его возникновение провоцирует также низкая эффективность работы государственной власти, отсутствие надежных механизмов правовой защиты населения. Все это в конечном счете приводит к наращиванию попыток решения возникающих противоречий и конфликтов силовым путем со стороны оппозиционно настроенных к власти этнических групп [4].

Действительно, во время неустойчивой ситуации переходного общества разрушается внутренняя конфигурация традиционного сознания, и элементы последней оказываются сцепленными между собой случайным образом, также случайным оказывается и само их содержание. В настоящее время для большинства людей семейная и этническая принадлежность (восприятие себя членом «семьи» – маленькой или большой) становится наиболее простым и приемлемым способом почувствовать себя частью определенного целого, найти психологическую поддержку в традиции.

Именно поэтому в любом переходном обществе наблюдается повышенное внимание к этнической идентификации, потребность консолидации сообщества на основе определенной «национальной идеи», выделение и охрана (иногда создание) собственной национальной мифологии, культуры, истории. Последней стадией этнической идентификации является выработка общего идеала – модели будущего, которая призывает к частичной или полной смене существующего в порядке вещей.

Внешняя демонстрация этнической идентичности чаще всего происходит с помощью этнической символики: особой одежды, танцев, ритуалов, образцов поведения и особых моральных ценностей. Поэтому этническая идентичность может быть определена путем использования группой людей конкретных элементов культуры как субъективных символов, чтобы отличить себя от других групп. Такие традиционные установки также включают язык, религиозные верования и народные обычаи, понимание истории, представление о предках и тому подобное.

Первым шагом для того, чтобы личность могла ощущать себя репрезентантом этнической группы, является процедура идентификации, то есть определение критериев и границ общности. В науке сформировалось понимание идентификации как отождествление индивидом себя с другим человеком, группой, образцом происходящего в процессе получения или усвоения норм, ценностей, социальных ролей, моральных

качеств представителей тех социокультурных групп, к которым принадлежит или стремится принадлежать индивид [5].

Идентичность бывает личностная (самоидентичность) и социальная (как переживания и осознание своей принадлежности к тем или иным социальным группам и сообществам или другим социальным группам и сообществам). Существует несколько вариантов и форм социальной идентичности:

1) *Культурная идентификация* (Ю.Ю. Сугрובה) является наиболее сложной формой самоопределения личности, она предполагает не просто осознание, а высокий уровень рефлексии культурных основ собственной жизни.

2) *Этническая идентификация*, которая формируется на основе этнической принадлежности. Этническое самосознание не является врожденным, оно формируется вместе с личностью в процессе выработки основных социальных ориентаций.

Г.У. Солдатова пишет, что культурно и этнически детерминированный мир составляет основу социализации каждого индивида [6].

3) *Национальная (политическая) идентификация* – представление о себе как о части национальной общности, нации, когда личность осознает особые отличительные черты данного общества (Г.В. Касьянов).

Национальное сознание существует на теоретическом, научном и обыденном уровнях. Теоретический уровень национального сознания является научно оформленной конструкцией, которая состоит из идеологических взглядов, идей, программ, норм, ценностей, произведенных нацией за длительное время ее существования и определяющих стратегию ее развития. Обыденный уровень национального сознания включает в себя потребности, интересы, ценности, стереотипы, настроения, обычаи и традиции членов этой общности, проявляющиеся в повседневной жизни и деятельности. Эти компоненты неразрывно связаны друг с другом [7].

Важно, что национальная идентичность демонстрирует процессы культурной унификации полиэтничного населения, проживающего в границах национального государства и *нивелирует этническую идентичность*.

Ю.Ю. Сугрובה замечает, что национальная идентичность может проявляться в самых разнообразных формах, в зависимости от того, какой грани национальной целостности – территориальной, культурной, политической или иной, – грозит деформация или разрушение. Именно этим обстоятельством обусловлено многообразие форм национализма.

Отсутствие четких этно- и нациодифференцирующих критериев приводит к тому, что понятие

этноса и нации в характеристиках соотнесенных с ними сознания, самосознания, идентичности часто смешиваются или подаются как синонимы: этническая (гражданская), этническая (национальная). Поэтому обратимся к определениям понятий «этнос» и «нация».

В этнопсихологической литературе обычно ссылаются на определение этноса Ю.В. Бромлея: «Этнос – устойчивая совокупность людей, исторически сложившаяся на определенной территории, которая имеет общие, относительно стабильные особенности языка, культуры и психики, а также осознание своего единства и отличия от других подобных образований (самосознание), что зафиксировано в самоназвании». Природные условия (экологическая ниша), в которых происходит хозяйственно-культурная жизнедеятельность этнических сообществ, оказывают значительное влияние на способы и формы адаптивного поведения, особенности психического склада членов этноса, специфики их ценностных ориентаций и т. п. [8; 9].

Важно, что кроме объективно-дифференциальных признаков этноса, определяющую роль в его самоопределении играет осознание своего группового единства – наличие этнического самосознания, внешним проявлением которого выступает самоназвание. Сохраняет значение данное М. Вебером определение этнической общности как группы, члены которой «обладают субъективной верой в их общее происхождение по причине схожести физического облика или обычаев, или того и другого вместе, или же по причине общей памяти о колонизации и миграции. В.А. Тишков определяет этничность как «операцию социального конструирования «воображаемых общностей», основанных на вере в то, что они связаны настоящими и даже природными связями [10].

Следовательно, именно в самосознании этноса фокусируются представления об общности происхождения и исторических судьбах, составляющих данную этническую группу людей. Как продукт этногенеза и длительного исторического развития, этническое самосознание является не только определителем этнической принадлежности, но и фактором, который противопоставляет данный этнос другим этническим коллективам.

Понятие нации в англоязычном обозначении (nation) охватывает и племя, и этническую общность, и страну обитания людей, и гражданство. По устоявшимся в этнопсихологии пониманиям, нация составляет высший этап развития этнической общности или объединения нескольких из них в государстве и подчиняется в основном общественно-историческим закономерностям.

Следовательно, этногенез предстает в неразрывной связи с процессом государственного (национального) строительства. Отношения этноса и государства складываются в истории по-разному, и со временем оказываются в разных системах координат. Нагляднее всего эта ситуация иллюстрируется исторически составленным несоответствием этнических и государственных границ – почвой для сепаратистских настроений.

Интересно, что представление о нации как об объективной данности получило повсеместное распространение лишь в XIX веке. Это обусловлено становлением современного типа государства, которое испытывало потребность в универсальной идеологии для повышения эффективности контроля власти. Разделению человечества на нации предшествовали более длительные и устойчивые представления о различиях людей по вероисповеданию, подданству, социальному слою или локальному происхождению. С другой стороны, глобализация и интеграция в XXI веке породила много гибридных форм идентичности, основанных на смешанном происхождении, профессиональной и гендерной солидарности, гуманитарных ценностях и др.

П.П. Горноста́й отмечает, что нацию можно понимать и как этническую, и как политическую группу. Учитывая это, национальную идентичность можно рассматривать как этническую или гражданскую, а такую политическую идеологию, как национализм, соответственно, следует разделять на этнический и гражданский. Реакционные идеологии вроде нацизма, расизма, шовинизма получили название «радикальный национализм» – агрессивная разновидность этнического национализма (в противовес «умеренному» или «либеральному»). Однако гражданский национализм часто рассматривают как синоним патриотизма [11].

М.И. Борышевский, отдавая предпочтение использованию понятия «национальное самосознание», определяет последнее как осознание личностью себя частью определенной национальной (этнической) общности и оценку себя как носителя национальных (этнических) ценностей, сложившихся в процессе длительного исторического развития национальной общности. Автор отмечает, что в национальном самосознании конкретного человека, как и в самосознании национальной общности, с которой личность себя идентифицирует, присутствует стремление к самовыражению и самореализации своей национальной сущности, неповторимости, стремление достойно утвердиться среди других национальных сообществ, сделать заметный вклад в развитие человеческой истории [12].

Современные авторы отстаивают мнение, что развитие этнической идентичности в Украине уступило место развитию гражданской идентичности без ярко выраженной этнической и языковой окраски (П.П. Горноста́й, Ю.Ю. Сугрובה и др.). Наряду с этническими, национальными, культурными формами самосознания поликультурное пространство современной Украины формирует гражданскую форму идентичности, которая становится вненациональной и выражает идею взаимодействия и сотворчества этносов и народов [5]. Этническое самоопределение все более становится частным делом каждого человека, а идеи вненациональных сообществ приобретают все большую ценность в европейском сознании. Историческая перспектива заключается в становлении «Мы», что выходит не только за национальные, но и за классовые и даже за государственные рамки. Происходит осознание человека себя гражданином мира, что находит выражение в таких массовых явлениях, как движение зеленых, пацифистские течения и др. И если в 1940–1950-х гг. зарождение подобных идей относилось к космополитизму, то сейчас идея европейского и мирового сообщества получила статус современного мышления.

Обобщая различные определения, касающиеся отдельных видов групповой идентичности, мы составили их иерархическую модель. Указанные на рис. 1. уровни групповой идентичности можно рассматривать как последовательные исторические формы, которые развивались по принципу взаимодополнения в процессе эволюции общества, а также представлены в онтогенезе отдельной личности.

Данная классификация позволяет определить место сепаратизма в структуре идентичностей: он имеет место в случае, когда этническая идентичность не соответствует национальному самосознанию, то есть интересы этноса (как они осознаны человеком) не совпадают с официально принятым вариантом национальной идеи.

Отдельно выделяют конструируемую идентичность, которая не имеет под собой реальных оснований, не реализует присущие ей социальные и психологические функции, а соответ-

ственно, теряет адаптивный ресурс. Поэтому конструирование идентичности становится для субъекта (как индивида, так и общества) его деформацией и дисфункцией. При определенных обстоятельствах в адаптивных целях индивиды действительно могут «приписывать» себе и окружающим те или иные желаемые или удобные идентичности и характеристики принадлежности. Однако в подобных случаях следует говорить не столько об идентичности как таковой, сколько о ее ситуативных симулякрах в виде тех или иных социальных «масок». Конструирование идентичности может представлять для общества в целом значительную опасность [5].

По этому поводу С. Хантингтон пишет: «Люди могут стремиться к идентичности, но достигнут ее лишь тогда, когда их примут в свое окружение те, кто эту идентичность уже нашел» [14]. Так, после окончания холодной войны поляки, чехи и венгры напряженно ожидали, признает ли Запад их посягательства на принадлежность к Западной Европе. Это же следует сказать и об Украине.

Экзистенциальное значение этничности вытекает из потребности человека иметь наследственную принадлежность, реализации желания «социальной принадлежности и высшей формы лояльности, связанной с родством и верой в общее происхождение» [15, с. 345]. Любой личности в той или иной степени присуща потребность принадлежности к группе. Определение принадлежности человека к более широкому обществу в целом является важной частью самопознания. Без групповой идентификации невозможна социализация личности.

Феномен «Мы» имеет глубокие психологические корни и заложен в самой природе человека. Под феноменом «Мы» понимают групповую идентификацию, процесс осознанного или неосознанного отождествления личности с психологически значимой группой, когда группа выступает коллективным субъектом социального поведения [11]. Это не просто символическая групповая роль, которую индивид играет в группе, а такое состояние личности, когда индивидуальное самосознание вытесняется, заменяясь различными формами группового сознания, то есть осуществляется определенное обезличивание личности.

Одно из важнейших понятий в данном контексте – это понятие групповой идентичности, которое определяется принадлежностью личности к значимым большим и малым группам. Можно говорить об идентичности группы, то есть о самоидентификации группой самой себя как коллективного субъекта. Эти понятия связаны между собой. Так, благодаря иден-

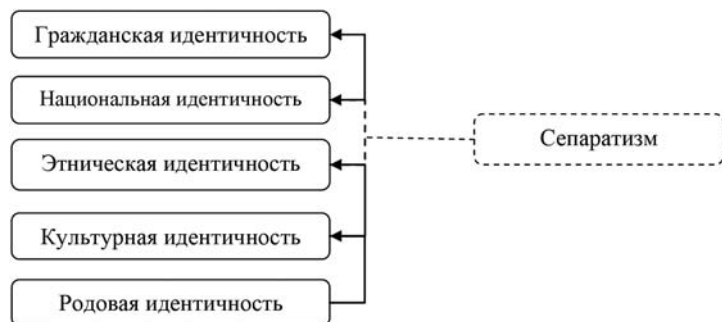

Рис. 1. Иерархия форм групповой идентичности личности

тичности больших групп (наций, этносов) группа чувствует себя обиженной, если осуществляется нападение на нее со стороны других групп. Это сказывается на всех индивидах, принадлежащих этой группе, даже если критика группы их лично не касалась. Нарциссизм группы проявляется в тенденции видеть свою группу лучше других и в возможности формирования «образа врага» в лице другой группы.

Оппозиция «Мони» используется в многочисленных исследованиях стереотипов, установок и ценностей как элементов этнического самосознания или идентичности. Отношение к другим как к «чужакам» означает существование определенных границ, границ взаимопонимания, отражающих различия в суждениях, ценностях, способах поведения.

В контексте нашей проблемы важно, что коллективные травмы, нанесенные большой группе, обладают способностью к трансгенерационной передаче, то есть наследование новыми поколениями травматического опыта, которым подверглись предыдущие поколения (передача травм между поколениями осуществляется также в семейной системе). Это особенно актуально, если предыдущее поколение не смогло выплакать, окультурить, или каким-то другим образом психологически обработать, ритуализовать травму. Тогда новое поколение чувствует себя травмированным, переживает травмы предков как свои, словно не было отрезка времени в десятки или сотни лет, стремится выплакать это тяжелое наследство своих предков, или отомстить потомкам тех врагов или обидчиков, которые считаются собственными врагами. Это является причиной таких явлений, как этнический терроризм, кровная месть, геноцид и т. д. [16].

Новейшая история Украины дает нам многочисленные примеры того, как рядом с положительными сдвигами в общественной психологии (повышение гражданского сознания, чувства достоинства, политической активности и т. д.) мы становились свидетелями резкого роста противостояния различных идеологий, что вызвало поляризацию общества и формирование «образов врага» в лице политических оппонентов. В основе этой поляризации лежали не только различные политические предпочтения, но и различные групповые идентичности, что отражалось в различиях социокультурных, языковых, этнических особенностей. Групповая идентичность играла столь важную роль, что победа одной политической силы воспринималась ее оппонентами как угроза собственной идентичности.

Выше было показано, что этнические общности относятся к человеческим коллективам,

для которых самосознание выступает одним из важнейших определителей их социально-исторической индивидуальности. В.Г. Бабаков, В.М. Семенов утверждают, что именно самосознание является отличительной характеристикой этноса [17].

Этническая дифференциация приводит к осознанию как психологических особенностей своего этноса, так и особенностей других этнических общностей. Образ «Мы» фиксируется в системе автостереотипов, образы других этносов – в гетеростереотипах – невольных и часто неосознаваемых психологических установках в восприятии себя и других. Этот уровень этнической идентификации связан с формированием относительно устойчивых представлений и оценок, типичных для этнической группы поведенческих, коммуникативных, эмоциональных стилей. Стереотипы связаны между собой; они образуют систему, которая самоорганизуется и аккумулирует стандартизированный коллективный опыт. Все это становится неотъемлемым элементом повседневного знания индивида.

При рассмотрении процесса этнической идентификации И.М. Байрамов замечает интересную закономерность: основным способом этнической идентификации является выработка и усвоение мифов [18]. Именно миф может быть рассмотрен как основная форма составления сложной социальной реальности. А если учесть, что спецификой мифологического мышления является неразделение реального и идеального, можно понять, почему мифологическое восприятие своей этнической сущности является ведущим в переходные социальные эпохи: в мифологии оппозиция «должного» и «сущего» стирается, общность абсолютизируется, что является эффективным психологическим стабилизатором сознания.

Дж. Армстронг объясняет, что определенные объективные составляющие понятия «нация» становятся важными факторами нации, переходя в сферу субъективного, превращаясь в символы и мифы. Так, основой эволюции, становления украинской идентичности автор считает не демографическую или лингвистическую непрерывность, на что делают ставку историки и филологи, а миф об этой непрерывности [19].

Б.Г. Кравченко определяет национальную идентичность как новую ориентацию человека в обществе, которая появляется тогда, когда «элитная группа сознательно выбирает символику как основу для мобилизации в борьбе с другими элитными группами за контроль над местным сообществом, то есть за равный или привилегированный доступ к благоприятным возможностям и ресурсам, возникающим в процессе модернизации» [20].

Идентификация часто происходит в сравнении с «соседями», в выработке общих стереотипов восприятия, причем именно миф становится основой для интерпретации текущих событий. Г.В. Солдатова отмечает, что наиболее интегрирующее влияние оказывает национальный (этнический) идеал, который по своей природе тоже всегда является мифологическим [6].

Таким образом, в общественных науках присутствуют два противоположных взгляда на природу сепаратизма и его связь с идентичностью личности. В первом случае утверждается, что в основе сепаратизма лежит естественное стремление нации (этноса) к суверенитету. Этническое деление человечества является первичным и основывается на фундаментальном групповом феномене «Мы». Там, где этнические и политические границы не совпадают, неизбежно возникает конфликт.

Таким образом, в общественных науках присутствуют два противоположных взгляда на природу сепаратизма и его связь с идентичностью личности. В первом случае утверждается, что в основе сепаратизма лежит естественное стремление нации (этноса) к суверенитету. Этническое деление человечества является первичным и основывается на фундаментальном групповом феномене «Мы». Там, где этнические и политические границы не совпадают, неизбежно возникает конфликт.

Другой подход показывает, что понятие национальной идеи – не более чем конструкт, пустая форма, которая наполняется содержанием в зависимости от контекста. В переходные этапы общества правящая элита разыгрывает националистическую карту для укрепления собственной легитимности: создавая виртуальную «нацию», власть формирует субъект, от имени которого правит. Насаждения национального дискурса происходит за счет внедрения в массовое сознание мифов – упрощенных схем противопоставления «своих» и «чужих», которые очерчивают границы сообществ и повышают привлекательность принадлежности к своей группе за счет унижения другой.

Существует отдельное мнение о том, что в основе стремления к отделению лежат не националистические идеалы, а прагматизм – рациональный выбор в пользу модели государственного устройства, которая способна обеспечить максимальное благополучие граждан. Именно поэтому попытки центрального правительства обратиться к чувствам общегражданской солидарности разбиваются о холодный расчет: почему солидарность имеет разную «цену» для граждан? Неспособность правительства сформулировать ответ на этот вопрос в терминах понятной и очевидной выгоды является причиной их поражения во взаимодействии с сепаратистами [21].

Альтернативный взгляд предложил американский исследователь Г. Хэйл. Опираясь на эмпирические исследования сепаратизма на постсоветском пространстве, он указал на необходимость разграничения вопросов национальности и национальной политики. Представление об этнической принадлежности играет важную роль в процессе осмысления окружающего мира, закладывая основу для дальнейших действий. Однако эти представления ничего не говорят о том, какие интересы сформулируют для себя индивиды или группы и какие цели они перед собой поставят [22]. Автор предлагает рассматривать национализм как инструмент, помогающий решить проблему коллективного действия в достижении целей сообщества. Проблема коллективного действия описывает ситуацию, когда индивиды могли бы выиграть от сотрудничества друг с другом, но сотрудничество не складывается, поскольку индивиды предпочитают заботиться только о своих узких интересах в ущерб общим.

Взвешенное понимание причин сепаратизма должно лечь в основу поиска эффективных путей урегулирования конфликтов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Политология. Энциклопедический словарь / сост. и общ. ред. Ю.И. Аверьянова. – М. : Московский коммерческий ун-т, 1993. – 431 с.с. 352
2. Психологічні закономірності реалізації конструктивних функцій етнокультури в інформаційному суспільстві / за ред. М.-Л.А. Чепи. – К., 2015. – 365 с.
3. Кротов А.В. География национального сепаратизма: Причины, происхождение и пути урегулирования : дис. ... канд. географ. наук : спец. 25.00.24 «Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география»/ А.В. Кротов. – Барнаул, 2002. – 192 с.
4. Байрамов И.М. Проблема этнического сепаратизма в социальной психологии / И.М. Байрамов // Вектор науки ТГУ. – 2011. – № 3 (6). – С. 41–43
5. Сугрובה Ю.Ю. Громадянська ідентичність в сучасних умовах поліетнічної України / Ю.Ю. Сугрובה // Актуальні проблеми історії, теорії та практики художньої культури : зб. наук. праць Національної академії керівних кадрів культури і мистецтв. – Вип. XXVII. – К. : Міленіум, 2011. – С. 203–209.
6. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности / Г.У. Солдатова. – М. : Смысл, 1998. – 389 с.
7. Касьянов Г.В. Теорії нації та націоналізму / Г.В. Касьянов. – К. : Либідь, 1999. – 352 с.
8. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография / Ю.В. Бромлей. — М. : Наука, 1973. – 280 с.
9. Бородин В.Д. Психологічна характеристика етнонаціональних спільнот / В.Д. Бородин, Ю.А. Пашенко // Наука. Релігія. Суспільство. – 2010. – С. 80–88.
10. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии / В.А. Тишков. – М. : Наука, 2003. – 544 с.

11. Психологія групової ідентичності : закономірності становлення / [П.П. Горностай, О.А. Ліщинська, Л.Г. Чорна та ін.] ; за наук. ред. П.П. Горностая. – К. : Міленіум, 2014. – 251 с.
12. Боришевський М.Й. Національна самосвідомість / М.Й. Боришевський. – К. : Основи, 1998. – 56 с.
13. Горностай П.П. Громадянська ідентичність українців та її еволюція / П.П. Горностай // Персональний сайт П.П. Горностая [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://gorn.kiev.ua/publicat.htm>
14. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон ; пер. с англ. А.Г. Башкирова. – М. : АСТ, Транзиткнига, 2004. – 635 с.
15. Хюбнер К. Нация. От забвения к возрождению / К. Хюбнер ; пер. с нем. А.Ю. Антоновского. – М. : Канон +, 2001. – 400 с.
16. Горностай П.П. Колективна травма та групова ідентичність / П.П. Горностай // Психологічні перспективи. – 2012. – Спец. Випуск : Актуальні проблеми психології малих, середніх та великих груп. – Т. 2 : Проблема цілісності суспільства, групи та особистості. – С. 89–95.
17. Бабаков В.Г. Национальное сознание и национальная культура / В.Г. Бабаков, В.М. Семенов // Институт Философии Российской Академии Наук [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://iph.ras.ru/page49656809.htm>.
18. Байрамов И.М. Социально-психологические особенности сепаратизма в условиях глобализации / И.М. Байрамов // Вектор науки ТГУ. – 2011. – № 1 (4). – С. 20–23.
19. Armstrong J.A. Myth and History in the Evolution of Ukrainian Consciousness / J.A. Armstrong // Ukraine and Russia in their Historical Encounter / [ed. by P.J.Potichnyj, M. Raeff, J. Pelenski, G.M. Zekulin]. – Edmonton : CIUS Press, 1992. – p. 126–139.
20. Кравченко Б.Г. Соціальні зміни і національна свідомість в Україні в ХХ столітті / Б.Г. Кравченко. – К. : Основи, 1997. – 423 с.
21. Троицкая О.В. Прагматизм или утопия? Причины европейского сепаратизма / О.В. Троицкая // Россия в глобальной политике. – 2014. – № 5. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.globalaffairs.ru>
22. Hale H.E. The Foundations of Ethnic Politics: Separatism of States and Nations in Eurasia and the World / H.E. Hale. – Cambridge : Cambridge University Press, 2008. – 304 p.